

становится весь этот образ — „омочю бегрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны...“.

Прием образования из нарицательных имен имен собственных и названий географических мест довольно широко встречается в древнерусском летописании. В рассказе о Липицкой битве говорится, что Юрия и Ярослава перед битвой хочет отговорить от сражения один из приближенных бояр: „Молвить же тако Творимиръ бояринъ: «княже Юрьи и Ярославе! меньшая братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданию, лучши было миръ взять и дати старѣйшинство Костянтину...»“ (ПСРЛ, т. IV, стр. 22).

В рассказе о распри между князем Ярославом и новгородцами под 6778 (1270) годом Ярослав за помощью, для борьбы с новгородцами, „послалъ к царю татарскому Ратибора, помочи прося на Новъгородъ...“ (ПСРЛ, т. III, стр. 61), а для заключения мира с новгородцами „въ Новгородъ присла Творимира“ (там же, стр. 62). В Софийской первой летописи по всем ее спискам в этом месте читаем: „...а въ Новъгородъ присла творити мира“ (ПСРЛ, т. V, стр. 196).

Не подлежит никакому сомнению, что имена Творимир и Ратибор — имена нарицательные, а не собственные.

Такого же типа образование и прозвище Рогнеды Гориславой, да и в самом „Слове о полку Игореве“ мы видим подобное словообразование — „Олег Гориславич“.

Вспомним рассказ о битве русского отрока с печенегом: „Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томъ, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть“ (Повесть временных лет, изд. 1950 г. стр. 85), или рассказ о битве Батия за город Козельск: „Оттуду же въ татарѣхъ не смѣють его нареци градъ Козельскъ, но градъ злый, понеже бишася по семь недѣль...“ (ПСРЛ, т. II, стр. 176).

В заключение скажем несколько слов о Каяле, упоминающейся в Ипатьевской летописи. Говорится об этой реке здесь только один раз: „И тако во день святого вокресения наведе на ны господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье место желю на рѣцѣ Каялы“. Содержание этой фразы говорит о том, что Каяла здесь не географическое понятие. Достаточно посмотреть на почти синонимический ряд слов — плач, желя, каяла, чтобы сразу обратить внимание на стилистическую близость между ними. Следует отметить также грамматическую форму этого словосочетания — „на рѣцѣ Каялы“. Каяла должна склоняться по основам на *a*, что очень последовательно выдержано в „Слове о полку Игореве“, и местный падеж должен быть — на рѣцѣ Каялѣ. В летописи же мы имеем родительный падеж — на рѣцѣ Каялы, т. е. на реке чего? — реке плача, реке скорби¹.

¹ Некоторые исследователи считают, что слово „каяла“ восходит к группе тюркских языков и в переводе на русский язык значит — „скалистая“ (наиболее подробно эта гипотеза рассмотрена в работе Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor' Tale; supplement to Word, journal of the Linguistic circle of New-York, vol. 7, december, 1951, pp. 28—29).

Однако данные русского языка убедительно свидетельствуют о русском происхождении этого слова.